
УДК 94(47+57)«1921/1934»:[314+323]

МИНЦ М.М.* ГОЛОД В СССР 1930–1933 гг.

DOI: 10.31249/rhist/2022.01.04

Аннотация. В обзоре рассматривается тематический номер журнала Nationalities Papers, посвященный истории массового голода в СССР в 1930–1933 гг. В статьях номера анализируются различные аспекты данной темы, в том числе причины голода, его масштабы, динамика смертности по регионам, отличия от голода 1921–1923 гг., восприятие случившейся катастрофы за рубежом и ее отражение в национальной памяти.

Ключевые слова: коллективизация в СССР; массовый голод в СССР в 1930-е годы; Украина и Казахстан в 1930-е годы; Голодомор.

MINTS M.M. Soviet famine of 1930–1933.

Abstract. A review of a special issue of «Nationalities Papers» devoted to the Soviet famine (s) of 1930–1933. The articles of the issue deal with various aspects of the topic including the causes of the famine, its scale, dynamics of mortality in different regions, differences from the famine of 1921–1923, the perception of the catastrophe abroad and its reflection in national memory.

Keywords: collectivization in USSR; mass famine in the USSR in the 1930s; Ukraine and Kazakhstan in the 1930s; Holodomor.

Для цитирования: Минц М.М. Голод в СССР 1930–1933 гг. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.

* Минц Михаил Михайлович – старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru/>

тура. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН. РАН, 2022. – № 1. – С. 53–68.
DOI: 10.31249/rhist/2022.01.04

Третий номер журнала *Nationalities Papers* за 2020 г. специально посвящен истории массового голода в СССР в 1930–1933 гг. [8], эта тема рассматривается в девяти статьях из 12. Авторы анализируют масштабы голода, динамику смертности по регионам, особенности развития событий в разных частях Союза, причины случившейся катастрофы, ее отличия от голода 1921–1923 гг. Они попытались также выработать собственный ответ на болезненные вопросы о том, в какой степени голод 1930–1933 гг. был вызван целенаправленными действиями советского руководства и правомерно ли рассматривать его как акт геноцида по национальному признаку.

Общая концепция номера представлена во вводной статье Андреа Грациози (Неаполитанский университет имени Фридриха II) [2]. Он обращает внимание на то, что XX век вообще можно охарактеризовать как «столетие политического голода», имея в виду многочисленные случаи массового голода, вызванного не природными факторами, а целенаправленными действиями тех или иных политических сил в условиях войны или в мирное время, – начиная по крайней мере с геноцида племен гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке в 1904–1908 гг. [2, р. 435]. Голод 1930–1933 гг. в СССР являлся, таким образом, составной частью довольно обширной истории рукотворных гуманитарных катастроф, но занимает в этой истории особое место – прежде всего как первый случай искусственно созданного массового голода в мирное время, а также как первый случай массового голода в стране с коммунистическим режимом, вызванного попытками этого режима реализовать на практике свои идеи о построении нового общества. В этом же, как подчеркивает Грациози, состоит и одно из важнейших отличий катастрофы начала 1930-х годов от голода 1921–1923 гг., где политический фактор играл существенно меньшую роль [2, р. 437–438]. Для историков важно и то, что обстоятельства голода начала 1930-х годов в Советском Союзе достаточно подробно задокументированы, особенно по сравнению с аналогичными катастрофами в Азии и Африке; колоссальный массив источников по данной проблематике стал доступен в результате «архивной революции» 1990-х годов.

Авторы статей, представленных в номере, предпочитают использовать слово «голод» (*famine*) во множественном числе, благо английский язык это позволяет. По словам Грациози, это дает возможность не только исследовать природу катастрофы 1930–1933 гг. в целом, но и провести сравнительный анализ ее составных частей, имевших свои особенности. Он выделяет два случая массового голода с числом жертв более миллиона (в 1931–1933 гг. в Казахстане и в 1932–1933 гг. на Украине) и по крайней мере пять эпизодов меньшего масштаба, с числом жертв более 100 тыс. (гибель свыше 200 тыс. спецпереселенцев во время раскулачивания, голод на значительной части страны в 1931–1932 гг., вызванный издержками коллективизации, голод 1932–1933 гг. на Северном Кавказе, голод в Центрально-Черноземной области и в АССР Немцев Поволжья) [2, р. 436–437]. При анализе этих трагических событий авторы применяют многофакторный подход, исходя из того, что каждый из исследуемых эпизодов массового голода был обусловлен отдельным комплексом причин – природных, социально-экономических и политических. В оценке последних они опираются на шкалу, предложенную в 2003 г. Дэвидом Маркусом и различающую четыре уровня «поведения, порождающего голод» (*англ. faminogenic behavior*): осознанную политику властей с целью вызвать голод (первый уровень); халатность и безответственность властей; безразличие авторитарного правительства к страданиям населения; некомпетентность коррумпированного правительства¹. По мнению Грациози, в действиях советского руководства в описываемый период преобладал второй уровень, однако отдельные политические решения могут быть отнесены и к первому [2, р. 435–436].

Тема голода на Украине так или иначе рассматривается в четырех статьях, что неудивительно, поскольку на эту республику приходится свыше половины от общего числа погибших. Авторы затрагивают и вопрос о роли национального фактора в описываемых событиях. Как отмечают в своей статье [6] Наталия Левчук, Омелиан Рудныцкий, Алла Ковбасюк, Наталья Кулык (Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи НАН

¹ Marcus D. *Famine crimes in international law* // *American journal of international law*. – 2003. – Vol. 97, N 2. – P. 245–281.

Украины, Киев) и Олег Воловына (Университет Северной Каролины в Чапел-Хилле), в современной историографии по данному вопросу сталкиваются два основных подхода. Представители первого из них склоняются к тому, что голод во всех пострадавших регионах СССР был вызван более или менее одними и теми же причинами, в числе которых чаще всего называются неоправданные по своим масштабам реквизиции зерна, реже – другие факторы, включая погодные. В рамках этого подхода предполагается, что наибольшие потери понесли важнейшие сельскохозяйственные районы страны вне зависимости от этнического состава их населения. Представители противоположной точки зрения настаивают, что подобные рассуждения справедливы для периода до середины 1932 г., тогда как во второй половине 1932 и на протяжении 1933 г. политика властей на Украине, а также на Кубани трансформировалась в Голодомор, т.е. в попытку использовать голод как инструмент массового террора по этническому признаку – против украинцев и родственников им кубанских казаков.

Сами авторы статьи сравнивают потери от голода на протяжении 1932–1934 гг. (вопреки общепринятой датировке Голодомора, исследование показало, что голодные смерти продолжались и в 1934 г.) на региональном уровне, используя многочисленные материалы демографического учета, ставшие доступными в постсоветский период. В статье рассматривается ситуация во всех восьми регионах тогдашней Украинской ССР¹ и на всей территории РСФСР за исключением входившего в то время в ее состав Казахстана, поскольку голод в Казахстане имел свою динамику. В фокусе исследования, таким образом, оказались 17 российских регионов в их тогдашних границах; авторы оговариваются, однако, что ситуацию в АССР Немцев Поволжья они изучают отдельно от остальной территории Нижне-Волжского края, в состав которого она тогда входила. Аналогичным образом отдельно рассматриваются образованные позже Саратовская область и Краснодарский

¹ В начале 1930-х годов в состав Украинской ССР входили семь областей и Молдавская АССР, территория которой после присоединения к Советскому Союзу Бессарабии в 1940 г. была разделена между Украиной и вновь образованной Молдавской ССР. Названия областей идентичны современным, однако по площади и границам каждая из них соответствует примерно двум областям сегодняшней Украины [см. карту: 9, р. 551]. – *Прим. авт.*

край, где ситуация в период голода развивалась иначе, нежели на остальной территории Нижне-Волжского и Северо-Кавказского краев соответственно. Авторы анализируют только прямые людские потери от голода (рассчитываются демографическими методами как избыточная смертность за исследуемый период). Кроме того, они проверяют наличие корреляции между статистическими показателями смертности по регионам и различными факторами, которые могут рассматриваться как возможные причины катастрофического голода (реквизиции зерна, крестьянское сопротивление коллективизации, репрессивная политика властей, этнический состав населения и др.). Согласно их наблюдениям, корреляция между уровнем смертности и вкладом региона в продовольственное обеспечение Советского Союза лишь частично проявляется на территории РСФСР, где в числе наиболее пострадавших оказался Нижне-Волжский край, который в 1932 г. подвергся самым масштабным реквизициям зерна в пересчете на 1 тыс. человек населения. На Украине данная корреляция не работает: больше всего погибших (в пересчете на 1 тыс. человек) здесь насчитывается в Киевской и Харьковской областях, которые не относились к числу важнейших зерновых регионов. Вместе с тем авторы выявили определенную корреляцию между уровнем смертности и масштабами крестьянского сопротивления (справедливо не для всех регионов), а также между уровнем смертности и масштабами репрессий (штрафы, конфискация продовольствия, закрытие границ с соседними регионами и др.). Что касается национального фактора, то на Украине избыточная смертность свыше 100 человек на 1 тыс. жителей (в сумме за 1932–1934 гг.) наблюдалась почти повсеместно за исключением Донецкой (Сталинской) и Черниговской областей, тогда как в России столь высокий уровень смертности помимо Саратовской области имел место лишь на территории Республики Немцев Поволжья и будущего Краснодарского края. Таким образом, статистические данные, по мнению авторов, свидетельствуют скорее о том, что причины голода имели комплексный характер, причем соотношение одних и тех же факторов различалось от региона к региону. Что касается национального фактора, то его значение как минимум не следует недооценивать.

Тему демографии продолжает еще одна статья О. Воловыны, Н. Левчук и А. Ковбасюк, посвященная динамике смертности на

Украине и в наиболее пострадавших регионах России по месяцам [10]. Почти на всей территории Украины на протяжении относительно короткого периода – в первой половине 1933 г. – произошел стремительный всплеск смертности, на это время приходится 90% прямых потерь от голода в республике. Аналогичная ситуация наблюдалась и на территории РСФСР, но только в регионах с наиболее высоким уровнем смертности, сопоставимым со смертностью на Украине (не менее 30 погибших на 1 тыс. человек населения в 1933 г.); в общей сложности в России на первые шесть-семь месяцев 1933 г. приходится около 82% погибших. Авторы исследуют причины этого скачка смертности. Географически работа охватывает всю Украину, кроме Молдавской АССР, где динамика смертности была иной, и четыре российских региона: Центрально-Черноземную область, Средневолжский край, Нижне-Волжский край и Северо-Кавказский край. Как и в предыдущей статье, авторы не рассматривают ситуацию в Казахстане; кроме того, им не удалось исследовать помесечную динамику смертности в Республике Немцев Поволжья из-за отсутствия источников. На остальной территории РСФСР смертность в 1933 г. была существенно ниже, без ярко выраженного всплеска в первом полугодии. Исследование охватывает только сельскую местность, в городах ситуация развивалась иначе.

Как показывает проведенный в статье анализ статистических данных, скачкообразный рост уровня смертности не может быть объяснен одними лишь экономическими причинами (завышенные планы хлебозаготовок). По заключению авторов, динамика смертности в изучаемых регионах определялась комплексом обстоятельств; помимо собственно хлебозаготовок сюда относятся крестьянское сопротивление коллективизации, ответные репрессии со стороны властей, перекрытие границ с соседними областями, этнический состав населения, а также особенности распределения продовольственной помощи. Авторы отмечают, что случаи полной конфискации продовольствия из «провинившихся» домохозяйств по-прежнему не имеют документального подтверждения, однако демографическая статистика косвенно согласуется с этой гипотезой, поскольку сообщения о том, что «у нас отобрали всю еду», встречаются в воспоминаниях выживших крестьян именно тех регионов, где в первой половине 1933 г. отмечались наиболее высо-

кие темпы роста смертности, особенно в марте. Динамика смертности на территории будущего Краснодарского края с его украиноязычным национальным меньшинством (кубанские казаки) аналогична динамике смертности на Украине (включая резкий скачок в марте), однако та же динамика наблюдалась и в Саратовской области, население которой было по преимуществу русским. Национальный фактор, таким образом, имел значение, но лишь как одна из причин, влиявших на развитие событий. Что касается продовольственной помощи, то она оказала определенное влияние на динамику смертности, но не смогла предотвратить катастрофическое развитие ситуации в целом. Тому было несколько причин, включая недостаточный общий объем помощи, преобладание поставок кормового зерна над поставками пшеницы и ржи, а также распределение помощи исходя из экономических и политических соображений, а не гуманитарных, так что ее объемы по регионам не коррелировали с масштабами голода.

Судьба украинских евреев в период голода рассматривается в статье Виктории Хитерер (Университет Миллерсвилла, Пенсильвания, США) [3]. Голод 1932–1933 гг. ударил не только по сельскому, но и по городскому населению республики, потери на селе и в городах составили 16,5% и 4% населения соответственно [3, р. 468]. Значительное число евреев в этих условиях бежали из местечек в крупные города, в том числе в Киев (так же как и многие украинские крестьяне), однако переполненные города были не в состоянии справиться с таким мощным миграционным потоком. Как следствие, многие беженцы умирали прямо на улицах, зачастую при полном равнодушии окружающих. По мнению автора, такая реакция объяснялась отчасти страхом репрессий (согласно воспоминаниям очевидцев, помощь голодающим могла повлечь за собой наказание, поскольку власти официально отрицали сам факт массового голода), отчасти же – тем, что местное население в большинстве своем получало лишь минимальное количество пищи, достаточное, чтобы выжить самим, но не более того. Голодомор также способствовал росту антисемитских настроений на Украине; присутствие многочисленных евреев среди советского политического руководства использовалось антисемитами как повод для утверждений, будто разразившийся голод организован именно евреями. Кроме того, голодные годы сформировали у населения при-

вычку к равнодушному восприятию чужих страданий и установку на то, чтобы в экстремальных условиях в первую очередь любой ценой выжить самому. Все эти обстоятельства повлияли и на отношение местного населения к геноциду евреев в годы Второй мировой войны.

Никколо Пьянчола (Университет Линнань, Гонконг) исследует ситуацию в 1930–1934 гг. в районе Аральского моря [5]. В начале описываемого периода его побережье принадлежало Казахской АССР, входившей в состав РСФСР (будущая Казахская ССР, написание слов *казахи* / *казахский* через *х* утвердилось позже), в том числе южное побережье относилось к входившей тогда в состав Казахстана / Казахстана Кара-Калпакской автономной области (переведена в непосредственное подчинение РСФСР в 1930 г., преобразована в автономную республику в 1932 г., в 1936 г. передана из РСФСР в состав Узбекской ССР). Как показано в статье, голод в Казахстане, имевший катастрофические последствия для населения северо-казахского побережья Арала, в Каракалпакстане ощущался в гораздо меньшей степени. Потери от голода изменили экономическую географию региона: до начала 1930-х годов рыболовный промысел концентрировался в основном на севере Арала, но затем, после гибели значительной части казахов, переместился в южную его половину. Во многом столь разное развитие ситуации на северном и на южном побережье было связано с тем, что северное побережье уже соединялось с центральной частью России Оренбургско-Ташкентской железной дорогой, тогда как транспортная доступность южного побережья была существенно ниже. Эта разница в обеспеченности транспортом сыграла важную роль в развитии Казахстана и Средней Азии в целом, поскольку именно Казахстан рассматривался советским руководством как дополнительная продовольственная база Советского Союза, что и стало причиной непомерных планов по заготовкам зерна и мяса, реализация которых спровоцировала массовый голод в регионе. Территория современных Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана в силу ее существенно меньшей доступности в эти планы не включалась. Автор отмечает как симптоматичное то обстоятельство, что решение о передаче Кара-Калпакской АО из состава Казахстана в прямое подчинение РСФСР было принято в 1930 г. на том же самом заседании Политбюро, что и решение о массовых

реквизициях продовольствия в Казахстане. Вопрос об административной подчиненности Каракалпакстана, таким образом, решался исходя из сугубо экономических соображений. Даже в советской научной литературе того времени при изучении социально-экономического положения к югу от Аральского моря преобладал более взвешенный подход, нежели в отношении Казахстана, коренное население которого рассматривалось по преимуществу в качестве отсталых кочевников, причем неперенным условием преодоления «отсталости» для них считался переход к оседлому образу жизни. Столь существенная разница в подходах также во многом была обусловлена различным положением Казахстана и территорий к югу от него в экономической географии сталинского СССР.

В двух статьях проводится сравнительный анализ голода 1921–1923 и 1932–1933 гг. на различном географическом материале. Статья О. Рудныцкого, Олександра Гладуна, Н. Кулык (Институт демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи) и Станислава Кульчицкого (Институт истории Украины НАН Украины, Киев) посвящена демографическим последствиям обеих катастроф на Украине [9]. Избыточную смертность в 1921–1923 гг. в республике они оценивают как 935 800 человек, из которых 54,4% погибли в пиковом 1922 г. Потери в сельской местности составили 821 700 человек (87,8% от общего числа погибших) [9, р. 556]. Особенно сильно голод ударил по южной, степной части Украины: наиболее высокая избыточная смертность (в пересчете на 1000 человек населения) зафиксирована в Днепропетровской, Одесской, Харьковской и Донецкой областях. Причем значительная доля избыточных смертей (46,3%) была вызвана даже не голодом как таковым, а эпидемиями, особенно в городах (63,4%), где скученность населения создавала благоприятные условия для распространения инфекций [9, р. 559]. Авторы относят эти смерти к жертвам голода, поскольку длительное недоедание значительно повысило уязвимость населения к болезням.

Голод 1932–1933 гг. отличался гораздо большими масштабами (3 942 500 погибших), более выраженным пиковым периодом (на 1933 г. приходится 89,5% потерь), а также иной структурой смертности (уровень инфекционных заболеваний в начале 1930-х годов был существенно ниже, нежели десятью годами ранее) и

иным географическим распределением жертв (сильнее всего пострадали лесостепные Киевская, Харьковская и Винницкая области). Различались и причины случившегося. Голод 1921–1923 гг. был вызван не только продовольственной политикой большевиков, но и сильной засухой; кроме того, он разразился на фоне общего кризиса экономики, обусловленного длительным периодом непрерывных войн (1914–1920). Голод 1932–1933 гг., напротив, имел место в мирное время, при относительно благоприятных погодных условиях, а сельское хозяйство Украины за годы НЭПа успело восстановить свою производительность. Это свидетельствует об искусственном характере случившейся гуманитарной катастрофы.

Сравнительному анализу событий 1921–1922 и 1932–1933 гг. на Дону и на Кубани посвящена статья Евгения Кринко, Аллы Шадринной (Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону) и Александра Скорика (Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова, Новочеркасск) [4]. Авторы сравнивают причины массового голода на казачьих землях в начале 1920-х и в начале 1930-х годов, стратегии выживания, применявшиеся местным населением, и роль церкви в борьбе с голодом. Исследование основано на довольно обширной источниковой базе, однако наибольшее внимание авторы уделяют рассекреченным документам ОГПУ о массовых настроениях на местах, а также записанным еще в 1970-е годы воспоминаниям казаков, переживших голод. В советский период Донское и Кубанское казачьи войска были расформированы, их прежние земли разделены между различными вновь образованными территориально-административными единицами. Оценить долю казаков в общей численности населения в это время сложно, поскольку официально донские казаки и часть кубанских учитывались как русские, большинство кубанских казаков – как украинцы. Известно тем не менее, что на территории бывшей Области Войска Донского казаки составляли свыше половины населения, в Северо-Кавказском крае, по данным переписи 1926 г., – 27,5% населения [4, р. 570].

Причины массового голода на Дону и на Кубани были в целом те же, что и на Украине: в 1921–1922 гг. – засуха в сочетании с грабительской политикой большевистской администрации на фоне общей хозяйственной разрухи в регионе после Гражданской войны, в 1932–1933 гг. – массовое изъятие зерна из колхозов в рамках не-

оправданно завышенных планов по хлебозаготовкам, а также репрессивные меры с целью подавить крестьянское сопротивление коллективизации. Разные масштабы голода и различия в общей социально-политической ситуации начала 1920-х и начала 1930-х годов предопределили различия в стратегиях выживания: если в 1921–1922 гг. преобладали социально одобряемые практики (забой скота, переход на работу с государственных предприятий и даже из административных учреждений в частные хозяйства и кооперативы, переселение ближе к водоемам, употребление рыбы и морепродуктов, а также разнообразных суррогатов), то в 1932–1933 гг. широкое распространение получили практики асоциальные (людоедство, трупоедство, злоупотребление служебным положением, взяточничество) – «в силу гораздо более ограниченных материальных ресурсов – по сравнению с тем, что было десятилетием ранее, – и более узким набором возможностей, доступных в рамках колхозной системы» [4, р. 579]. Различалась и роль церкви. В 1921–1922 гг. православное духовенство довольно активно пыталось помогать населению областей, пораженных голодом, однако большевистское руководство, воспользовавшись инициативой патриарха Тихона о пожертвовании части церковных ценностей в пользу голодающих, запустило в конце 1921 – начале 1922 г. гораздо более масштабную кампанию по массовому принудительному изъятию церковных ценностей. При этом значительная часть собранных средств была потрачена не на помощь пострадавшим регионам, а на реализацию политических (в том числе внешнеполитических) амбиций советской верхушки. К началу 1930-х годов церковь была уже обескровлена репрессиями и не имела достаточных ресурсов для действенной помощи жертвам голода.

Паоло Фонци (Берлинский университет Гумбольдта) анализирует восприятие голода в СССР за границей на примере донесений британских, германских, польских и итальянских дипломатов [1]. До начала «архивной революции» в постсоветской России материалы иностранного происхождения оставались практически единственным источником по истории голода 1930–1933 гг. По мнению Фонци, они сохраняют свое значение и сегодня, хотя и с оговорками. Кроме того, изучаемые им дипломатические документы отражают восприятие большевистского эксперимента в целом в соответствующих странах. Статья начинается общим обзором от-

ношений Советского Союза с Англией, Германией, Польшей и Италией в описываемый период; далее автор подробно рассматривает то, как дипломаты из этих стран оценивали причины массового голода, его спонтанный или рукотворный характер и роль национального фактора.

Наименее информативными, по наблюдениям П. Фонци, оказались донесения британских дипломатов. Во многом это было связано с тем, что на фоне неровных и часто конфликтных отношений между Лондоном и Москвой в 1920-е годы служба в России утратила свой прежний статус в общей структуре британского внешнеполитического ведомства. В московском посольстве остро не хватало квалифицированных специалистов по России, к тому же Великобритания, в отличие от Германии, Италии и Польши, не имела консульств в регионах, ее дипломаты работали только в Москве и Ленинграде. Их польские, итальянские и немецкие коллеги поставляли своему руководству гораздо более подробные и взвешенные сведения. Этим, по мнению автора, объясняется и то обстоятельство, что в английских документах практически полностью игнорируется такой фактор, как социально-политический конфликт между большевистским руководством и крестьянами, тогда как сотрудники немецких, итальянских и польских дипломатических миссий считали этот конфликт одной из основных причин голода. Итальянские дипломаты в своих донесениях подчеркивали искусственный характер случившейся катастрофы, предполагая, что власти рассчитывают таким способом подавить национальное движение на территориях с украинским и немецким населением. Немцы придерживались более осторожных оценок и склонялись к тому, что голод как таковой вызван сложным комплексом причин, однако советское руководство пытается использовать его как оружие против крестьян, сопротивляющихся коллективизации. Кроме того, они сомневались в существовании сколь-нибудь серьезных сепаратистских движений среди украинцев и советских немцев и рассматривали разговоры о «буржуазном национализме» скорее как пропагандистскую уловку. Примечательно также, что, хотя представители всех четырех стран осуждали голод как таковой и тем более попытки его использования в политических целях, английские, немецкие и итальянские дипломаты в своих донесениях скорее оправдывали саму политику коллекти-

визации как способ модернизировать советскую деревню и повысить ее продуктивность. Более того, в немецких и итальянских донесениях заметна явная неприязнь их авторов по отношению к крестьянам как к «отсталому» классу, «тормозящему» развитие страны. В польских документах этот мотив отсутствует, что отражает отличия в умонастроениях политической и интеллектуальной элиты Польши того времени, в том числе в ее отношении к модернизации и индустриализации.

Наконец, исследование Джеймса Рихтера (Бэйтский колледж, Льюистон, США) посвящено отражению голода 1930–1933 гг. в массовой памяти на Украине и в Казахстане в постсоветский период [7]. Несмотря на то что обсуждаемые события имели катастрофические последствия для обеих республик, отношение к ним в современном украинском и казахстанском обществе различается довольно сильно. В своей работе Рихтер опирается на две политологические модели, в рамках одной из которых основной акцент делается на инструментальном использовании исторической памяти политическими элитами¹, тогда как другая предполагает анализ социально-исторических факторов, обуславливающих доминирование в обществе тех или иных исторических нарративов². По его словам, эти модели не исключают, а скорее дополняют одна другую.

Парадокс украинской национальной памяти состоит в том, что тезис о рукотворном характере Голодомора 1932–1933 гг. как геноцида украинского народа родился в послевоенные годы в украинской диаспоре в Северной Америке и впервые получил широкое распространение в самой республике на фоне перестройки, причем главным образом в Западной Украине, хотя в начале 1930-х годов она еще не входила в состав СССР. Последующие разногласия по этому вопросу между жителями «запада» и остальной частью республики имеют достаточно глубокие исторические корни, поскольку в XIX в. украинский национализм культивировался прежде всего именно в Западной Украине (Восточной Галиции), которая тогда принадлежала Австрии, в то время как в российской

¹ Twenty years after communism: the politics of memory and commemoration / Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. – New York : Oxford University Press, 2014. – XVIII, 362 p.

² Darden K., Grzymala-Busse A. The great divide : literacy, nationalism and the communist collapse // World politics. – 2006. – Vol. 59, N 1. – P. 83–115.

части современной Украины царское правительство проводило политику, нацеленную на ее максимальную интеграцию в единое восточнославянское пространство, вплоть до ограничений на использование украинского языка в школе. Тем не менее в 1990-е годы, когда власть на получившей независимость Украине принадлежала по большей части представителям прежней советской номенклатуры, правящая элита не была заинтересована в широкой дискуссии о причинах голода 1932–1933 гг., рассматривая такую возможность как угрозу политической стабильности. Ситуация резко изменилась после «оранжевой революции» 2004 г., когда администрация президента В.А. Ющенко сделала тезис о Голодоморе как о геноциде украинцев частью своей официальной идеологии, что вызвало активное сопротивление во многих регионах. После политического кризиса 2013–2014 гг., потери Крыма и начала гражданской войны в Донбассе положение дел изменилось снова, поскольку неприятие сегодняшней политики России по отношению к Украине привело не только к дальнейшему росту национального самосознания, но и к превращению тезиса о сталинском геноциде в доминирующую точку зрения в украинском обществе: согласно социологическим опросам, с 2010 по 2017 г. доля граждан, считающих себя украинцами, возросла с 81,5 до 88,3%, а доля респондентов, согласных с тем, что Голодомор являлся актом геноцида, – с 61% до 77% (цифры приводятся для всей территории страны за вычетом Крыма и территорий непризнанных Донецкой и Луганской народных республик). Примечательно, что подобный общественный консенсус не распространяется, к примеру, на деятельность ОУН – УПА, отношение к которой остается предметом споров [7, р. 482].

В Казахстане тема голода, напротив, по большей части замалчивалась не только в советский период, но и после обретения независимости. Публичное ее обсуждение началось лишь в последние годы, тогда же стали проводиться и официальные памятные мероприятия; при этом политическое руководство Казахстана по-прежнему дистанцируется от разговоров о голоде как о геноциде и подчеркивает, что жертвами голода стали представители разных национальностей, и в самом Казахстане, и в других республиках. Как и на Украине, подобная ситуация обусловлена сочетанием политических и исторических факторов. В период голода боль-

шинство казахов еще не умели читать и писать, так что письменных источников, оставленных непосредственно гражданами, пережившими эту катастрофу, довольно мало. Прежний социальный уклад казахского общества был разрушен, а распространение грамотности сопровождалось и навязыванием официальной советской идеологии. В постсоветский период у власти в Казахстане фактически остались представители прежней советской номенклатуры во главе с Н.А. Назарбаевым, их внутренняя политика и в 1990-е, и в 2000-е годы была нацелена прежде всего на поддержание стабильности и сохранение лояльности граждан, отсюда незаинтересованность в возвращении болезненной темы голода в поле общественной дискуссии. Вопрос о причинах изменений в политике памяти с начала 2010-х годов остается открытым и требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Fonzi P. Non-Soviet perspectives on the Great Famine: a comparative analysis of British, Italian, Polish, and German sources // *Nationalities papers*. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 444–459. – DOI: 10.1017/nps. 2019.27
2. Graziosi A. Introduction to the special issue on the Soviet famines of 1930–1933 // *Nationalities papers*. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 435–443. – DOI: 10.1017/nps. 2019.106
3. Khiterer V. The Holodomor and Jews in Kyiv and Ukraine: an introduction and observations on a neglected topic // *Nationalities papers*. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 460–475. – DOI: 10.1017/nps. 2018.79
4. Krinko E., Skorik A., Shadrina A. The Don and Kuban regions during famine: the authorities, the Cossacks, and the Church in 1921–1922 and 1932–1933 // *Nationalities papers*. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 569–584. – DOI: 10.1017/nps. 2019.120
5. Pianciola N. The benefits of marginality : the Great Famine around the Aral Sea, 1930–1934 // *Nationalities papers*. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 513–529. – DOI: 10.1017/nps. 2019.22
6. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia / Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N. // *Nationalities papers*. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 492–512. – DOI: 10.1017/nps. 2019.52
7. Richter J. Famine, memory, and politics in the post-Soviet space : contrasting echoes of collectivization in Ukraine and Kazakhstan // *Nationalities papers*. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 476–491. – DOI: 10.1017/nps. 2019.17
8. Special issue on the Soviet famines of 1930–1933 // *Nationalities papers*. – 2020. – Vol. 48, N 3.
9. The 1921–1923 famine and the Holodomor of 1932–1933 in Ukraine: common and distinctive features / Rudnytskyi O., Kulchytskyi S., Gladun O., Kulyk N. // *Na-*

- nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 549–568. – DOI: 10.1017/nps.2019.81
10. Wolowyna O., Levchuk N., Kovbasiuk A. Monthly distribution of 1933 famine losses in Soviet Ukraine and the Russian Soviet Republic at the regional level // Nationalities papers. – 2020. – Vol. 48, N 3. – P. 530–548. – DOI: 10.1017/nps.2019.52